

В.Л. МЫЦ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПРАВЛЕНИЯ ГОСПОДИНА ГОТИИ АЛЕКСЕЯ И ПЕРВЫЙ ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ КАФФОЙ И ФЕОДОРО В 1422-1423 ГГ.

История ранних лет правления владельца Феодоро Алексея (1411-1421), его начальных внешнеполитических приоритетов и первый вооруженный конфликт между Каффой и Мангупом в 1422-1423 гг. явились предметом специальных исследований Н. Йорги, В. Василиу, Н. Бэнеску и А.А. Васильева¹. В дальнейшем эта тема оставалась практически вне внимания специалистов, занимавшихся изучением средневекового Крыма². Хотя совершенно очевидно, что без детального рассмотрения истории этого периода невозможно прийти к правильному пониманию и оценке политических событий, происходивших на полуострове в последующие годы (1424-1441), их причинно-следственных связей, о чем свидетельствуют публикации ряда авторов, совершенно не учитывавших в своих построениях его особенности³ либо касающихся их весьма поверхностно⁴.

В свое время А.А. Васильев отмечал, что первые документированные свидетельства генуэзских источников о правителе Феодоро Алексее относятся к июлю 1411 г.⁵ Позднее Дж. Пистарино обратил внимание на документы Каффы, написанные нотарием городской коммуны 1410-1412 гг. Джованни Лабаино (Giovanni Labaino), которые, хотя и были частично опубликованы А. Винья ещё в XIX в., тем не менее оставались вне поля зрения исследователей⁶. В одном из них, датированном 27 июня 1411 г., говорится о том, что «господин Кириалеси из Теодоро (dominus Chirialesi de lo Tedoro) направил в качестве прокуратора⁷ священника Алцеси из Теодоро (para Alcesi de lo Tedoro)» для заключения договора с коммуной Каффы⁸. Но уже 8 июля 1411 г. (согласно записи в массарии Каффы) говорится о том, что официалами фактории был приготовлен подарок господину Феодоро Алексею (pro exenio facto Alexxi, domino de lo Tedoro) стоимостью в 1121 аспр⁹.

Для нас более раннее указание является чрезвычайно важным, потому что может свидетельствовать о неизвестном имени

предшественника Алексея. Хотя, на первый взгляд, при сравнении этих двух упоминаний генуэзских документов создается впечатление ошибочности в более ранней записи имени правителя Феодоро - «Кириалеси», вместо «кир Алексей». Но это вполне допустимое заключение требует основательно аргументированных доказательств.

Согласно высказанной логической посылке, следует считать, что нотариий (скриба) курии Каффы Джованни Лабаино, состоявший при консуле и ведший дипломатическую переписку со всеми, в том числе и правителями грекоязычных Причерноморских государств, а к ним относилась и Готия, всегда лично присутствовавший на переговорах, не знал (или записал на слух) имя владельца Феодоро, создав нелепую по смыслу тавтологическую конструкцию: «господин (dominus), господин (кир = κύριος) Алеси» (Alesi вместо Alexxi). При этом он также должен был не знать, что греческое κύριος является латинским эквивалентом dominus и, по принятой в генуэзской латыни норме, кир (господин) писалось *ihir*, а не *chiri* и наряду с такими популярными греческими терминами, как карат (*iharat*) и коммеркий (*commerihium*), широко использовалось при составлении деловых документов на протяжении всего времени пребывания латинян на берегах Понта¹⁰.

Если следовать в русле подобного логического заключения, то знающий латинский нотариий написал бы «dominus Alexxi» (как это сделал, например, скриба массарии уже через 11 дней (8 июля), фиксируя затраты на покупку подарка для Алексея) или «ihir Alexxi», но не «dominus chiri Alesi». Не кажется ли все это странным и некорректным (особенно, если считать Джованни Лабаино «малограмотным» нотарием, служившим в магистратуре, при которой состоял ещё скриба, умеющий хорошо писать и говорить по гречески)?

Как в таком случае быть с именами, начинающимися с литер «ih/k» - Iherihi, Ihirchin - отмеченными в массарии Каффы, даже

принимая во внимание некоторые исключения (например, Kirchin, Kirmanolli, Chirchor-Circhos, Chirasent, Chiriaxi и др.), где *ih* содержится не в самом имени, а префиксе *kur*¹¹? Подобного казуса не отмечено за оставшиеся 64 года истории Феодоро. Генуэзцы ни разу за 35 лет не обратились и не назвали Алексея Chirialesi или *ihir Alecxi*: он для них всегда (как и его преемники) - *domino (dominus) Alecxi*¹².

В.П. Кирилко высказал предположение, что за именем Кириалеси может скрываться прозвище «Чёрный Алексей». Но ономастика средневекового Крыма, учитывая пребывание здесь и западно-кавказских (адыгских) элементов¹³ (об этом говорит и популярность имени *Iharchassius* (Черкес)¹⁴, отражённая и в топонимике как горной, так и равнинной части полуострова¹⁵, пока изучена крайне слабо. Много строится попросту на уровне догадок и предположений. Можно сказать только, что в перечне имен «*ih/k*» нет ни западноевропейских, ни греческих (*Caihibes*, *Caihic*, *Calaihi*, *Canaihi* = *Canachi*). Хотя, по-видимому, следует привести пример из римско-греческой ономастики первых веков н.э. Так, легат и пропретор Мезии носил имя Секста Веттуления Кериалиса. Он известен как один из четырех офицеров, участвовавших в осаде и захвате Иерусалима в 69/70 г. н.э. под командованием Тита, который затем стал первым римским губернатором Иудеи и в 74/75-78/79 гг.н.э. был отмечен жителями Херсонеса бронзовой статуей¹⁶. В этой связи, пока не будут найдены дополнительные источники, корректнее данное имя читать так, как оно написано Джованни Лабайно - *Chirialesi* (Кириалеси), оставляя его под знаком вопроса. Здесь, как и в случае ещё с одним господином Готии - Кейхиби или Чейхиби (*Cheihibi*)¹⁷, какие-либо определения этно-лингвистического характера могут быть ошибочными.

Ранее, в мае 1411 г., магистраты Каффы посылают в Команию с дипломатической миссией Джорджо Торселло¹⁸. К кому конкретно из правителей Орды (к Едигею - Идигу?) и с какой целью он был направлен - неизвестно. Вероятно, власти Каффы проводят переговоры с ханом Тимуром (Темюром), занявшим престол в Золотой Орде в 813 г.х. (6. V. 1410 – 24. IV. 1411) после Пуллада¹⁹, разгромившего в 1410 г. Тану. Сопоставление данных итальянского источника с известиями мусульманских авторов позволяет отнести время начала правления Тимура (сына Тимур-Кутлука и зятя Едыгея) к

началу 1411 г. (до 24 апреля).

В том же году Джорджо Торселло со специальной миссией отправился в Готию, где встречался с владельцем Феодоро²⁰, за что ему массарией было выплачено 100 аспров²¹. В данном случае, когда неизвестна точная дата визита Дж. Торселло на Мангуп, трудно установить, с кем он из упоминаемых под 1411 г. правителей Феодоро вёл переговоры - Кириалеси или Алексеем?

А.А. Васильев, рассматривая события этого года, сопровождавшиеся довольно частым обменом послов между Феодоро и Каффой, а также принятым в таких случаях подношением даров, высказал предположение, что внимание генуэзцев в этот период было обращено к Готии в связи с началом правления Алексея: «Понимая, насколько важно поддерживать дружеские отношения с новым князем, Каффа отнеслась к нему с большим почтением»²². В таком случае поездка Дж. Торселло к Алексею могла состояться в июле (?) 1411 г., т.е. уже после возвращения генуэзского посла из Орды.

В одном из документов (датирован 26 августа 1411 г.) сообщается о выплате некоторой суммы посланцу «к Алексею» (при этом его имя не указано)²³. Осенью того же года (24 октября) в Каффе находился Кеассий, прибывший от господина Феодоро: массарией фактории ему было ассигновано 50 аспров и еще 260 аспров выплачено за одеяние, которое получил посол²⁴.

В последующие девять лет генуэзские источники не отмечают каких-либо активных политических контактов между Каффой и Феодоро. Вполне вероятно, что этот пробел обусловлен отсутствием опубликованных документов или их утратой. Например, в составе так называемого Секретного архива Генуи - *Diversorum Filze* - в двух «связках» содержатся соответственно документы за 1375-1398 и 1420-1477 гг., а период 1399-1419 гг. совершенно не отражен в собрании²⁵. Видимо, только поэтому в 1420 г. (запись сделана 24 сентября) массарии Каффы фиксируют затраты средств на пир в честь приёма посла от господина Феодоро²⁶.

По всей видимости, начало активных контактов между феодоритами и генуэзцами во второй половине 1420 г. не было случайным. В консулат Манфредо Саули (1420-1421) Каффа из-за неурожая в Северном Причерноморье остро нуждалась в поставках продовольствия на рынки города. Поэтому Саули стремился

поддерживать мирные отношения как с ханом²⁷, так и с правителем Феодоро Алексеем. Петиция Джорджо Конте (датирована 3 и 28 сентября 1442 г.) достаточно ярко обрисовывает реальное положение, сложившееся в то время в столице генуэзской Газарии: «В консульство Манфредо Саули в Каффе была не просто нехватка зерна, но настоящий голод, так что значительная часть населения питалась скорее травой, чем хлебом»²⁸.

Свидетельство итальянского источника подтверждается и данными русских летописей, которые отмечают под 1420 г. первоначально засуху («Меженина»), а затем и рано наступившую зиму (в середине сентября пошел снег и в течение трех дней покрыл землю слоем в «4 пяди» из-за чего урожай остался небраным: «<...> а всякое жито под снег полегло»); наступившая оттепель («<...> вся же зима тепла бысть вельми»), вызвала вспышку эпидемии («<...> мор бысть силен по всей земле Русской», «И тако вымроша, яко жита без жати некому <...>»), а затем продолжительный голод²⁹.

Неблагоприятные погодные условия на протяжении нескольких лет (1420-1423) в Восточной Европе вызвали голод, массовые заболевания и гибель населения. По-видимому, в этом контексте следует рассматривать торжественный приём посла Алексея в Каффе 24 сентября 1420 г. и пребывание в начале следующего года в Готии (согласно документам массарии Каффы, 7 января 1421 г. для этой цели выделено 200 аспров) в сопровождении 5 оргузиев представителя генуэзской фактории - Джорджо Вакка³⁰.

Рассматриваемый период (1420-23 гг.) был достаточно сложным для генуэзской Газарии и ознаменовался изменением военно-политической обстановки в Причерноморском регионе. После похода каффинского флота на Трапезунд в 1417 г.³¹ на протяжении нескольких лет не отмечается военной активности со стороны лигурийской фактории. Наоборот, всякие спорные вопросы официалы Каффы стремятся урегулировать путём переговоров³².

Важные перемены произошли в это время в Орде³³. Гибель Идыке (Едыгея) в 1419 г.³⁴ и смерть Кадыр-Берди (1420) дала возможность после некоторого перерыва, осенью 1421 г.³⁵ занять ордынский престол ставленнику Витовта (1392-1430) Улу-Мухаммеду, с именем которого в Каффе производится чеканка новых и

надчеканка старых монет³⁶.

На фоне общей политической нестабильности, отмечаемой источниками для начала 20-х гг. XV в. в Северном Причерноморье, между Кафпой и Феодоро возникает та напряженность отношений, которая предваряет начало противостояния, в конечном итоге завершившегося вооруженным конфликтом.

Из контекста последовавших за этим событий становится ясно, что яблоком раздора между ними выступала прибрежная часть Готии (так называемая «*tiparia marina Gotia*») и Чембало. А.А. Васильев считал, что война между правителем Феодоро Алексеем и Кафпой началась в 1422 г.³⁷ Данный вопрос требует дополнительной хронологической корректировки, потому что имеющиеся источники, скорее, демонстрируют активную подготовку обеих сторон к войне, апогеем которой явился 1423 г., когда феодоритам на очень короткий срок удалось захватить Чембало. При этом совершенно необоснованным было предположение исследователя о вовлечении Хаджи-Гирея в данный конфликт на стороне владетеля Мангупа: «...поэтому втянутый в войну с Генуей Алексей был уверен если не в действенной поддержке хана, то хотя бы в его дружеском нейтралитете, что было чувствительной помощью для него»³⁸. А его заключение, что «в отношении Чембало Алексей был слепым орудием в руках Хаджи-Гирея»³⁹, до настоящего времени не подтверждено какими-либо источниками. Первое активное участие Хаджи-Гирея в политических событиях Газарии относится только к 1433/34 гг., т.е. времени второй военной кампании.

Наиболее реальной причиной конфликта между Алексеем и Кафпой, по-видимому, можно считать стремление набирающего силу молодого государства получить выход к морю для участия в международной торговле. Этому явно препятствовало закрепление генуэзцев в ряде стратегически и экономически важных пунктов, расположенных на побережье Готии (Луста, Партенит, Гурзуф, Ялита) и в Чембало.

Открытые военные действия, по-видимому, были начаты осенью (в сентябре или в самом начале октября?) 1422 г., потому что 9 октября массариями Каффы выделяется 16460 аспров для «заготовки продовольствия и защиты нашего города Чембало и всей Готии по случаю войны с господином Феодоро Алексеем»⁴⁰. 31 октября

и 9 ноября коммуна расходуются средства на доставку продовольствия в город Лусту (in Lusce loco) и за организацию этих поставок выплачивается вознаграждение в 45 аспров⁴¹.

Однако, судя по всему, отношения между феодоритами и генуэзцами к этому времени ещё не достигли пика конфронтации. Об этом позволяет говорить письмо от Алексея, полученное в конце ноября 1422 г. магистратами Каффы (29 ноября массариями выплачено 12 аспров «для грека, принесшего письмо от Алексея»)⁴².

Таким образом, насколько позволяют судить имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства, до октября (?) 1422 г. военные действия между Феодоро и Каффой ещё не велись. В этой связи интересно сопоставить известия нарративных источников с материалами археологических исследований, проводившихся в 80-90-х гг. XX в. на территории генуэзской Лусты и у селения Фуна (расположено в 8 км к северу от Алушты на западном склоне г. Демерджи)⁴³. Вероятно, в это время (1422 г.) феодориты в спешном порядке возводят укрепление Фуна. Есть также основания предполагать, что примерно в то же время (во второй половине 1422 - первой половине 1423 г.) Алексей начинает строительство порта и крепости в Каламите, которая могла быть использована как плацдарм для нападения на Чембало. Кроме того, в ходе археологических разведок последних лет материалы XV в. выявлены ещё на трёх укреплениях Южнобережья, расположенных в нескольких километрах от моря, у горных дорог, ведущих к перевалам: в селении Запрудное (б. Дегерменкой = Милляри), на скале Гелин-Кая (б. Кизил-Таш, ныне с. Краснокаменка) и в Ялтинской котловине в верховьях р. Учан-Су.

Обращает на себя внимание топография данных памятников. Все они располагаются выше приморских пунктов, принадлежавших на побережье генуэзцам: над Партенитом – Дегерменкой, над Гурзуфом – Гелин-Кая, над Ялитой – Учансу-Исар. Это позволяет высказать предположение, что Алексеем перед началом военных действий на территории приморской Готии возводятся четыре укрепления (Фуна, Дегерменкой, Гелин-Кая, Учансу-Исар), которые по его стратегическому замыслу служили плацдармами для нападений на подчиненные генуэзцам города и селения Готии (Лусту, Партенит, Гурзуф, Ялиту). Более

уверенно об этом можно будет говорить только после проведения дополнительных раскопок на данных объектах⁴⁴.

В ответ на эти действия генуэзцы восстанавливают частично разрушенные ещё в 1278 г.⁴⁵ при штурме Алушты (Лусты) монголами оборонительные стены византийского периода. По-видимому, в начале 20-х гг. XV в. эти работы не были ограничены реставрацией обветшавших стен цитадели VI в. В момент возникновения реальной военной опасности создаётся внешний пояс крепостных стен, что позволило увеличить защищённую часть города на 0,70 га. Открытые в ходе раскопок прясла южной (7,3 м) и восточной (37,5 м) куртин (их ширина соответственно составляла 2 и 1,60 м) сооружались без какой-либо инженерной подготовки рельефа склона и не имеют фундаментов. К тому же южная стена оказалась сложенной на грязевом растворе⁴⁶. Слабость данной фортификационной конструкции очевидна. Поэтому в 60-е гг. XV в., когда полностью перестраивается внешний периметр обороны генуэзской Лусты, она была частично разобрана.

Насколько позволяют судить письменные свидетельства, кульминация противостояния между Феодоро и Каффой приходится на 1423 г., хотя и в это время генуэзцы предпринимают попытку избежать прямого столкновения с Алексеем и не допустить вовлечение в конфликт Улу-Мухаммеда. Именно в такой плоскости можно рассматривать миссию посла наместника Солхата. Из финансовых документов Каффы известно, что в течение двух дней (26 и 27 марта) по приглашению (?) консула Джероламо Джустиниани Монелья в городе находился некий «сарацин» по имени Бексада⁴⁷. В ходе переговоров с магистратами города, очевидно, возникла конфликтная ситуация, свидетельством чему служит содержание записи в книге массарии: «27 марта за одну пощёчину, данную сарацину Бексаде, послу господина Сурхата, направлявшегося к Алексею, господину Феодоро, [и] за два дня [пребывания выдано] 100 аспров»⁴⁸.

После завершения переговоров в Каффе 28 марта Бексада направился к Алексею. Но дальнейшие события не дают основания говорить, что «посредничество» (судя по всему, симпатии татар находились на стороне феодоритов, о чём свидетельствуют генуэзские источники 1424 г.) наместника Солхата (главы

рода Ширин - Тягини?) привело к примирению противоборствующих сторон, как это предполагал А.А. Васильев⁴⁹.

Весной 1423 г. генуэзцами снаряжаются три корабля против Алексея⁵⁰. Так, в начале марта была оснащена галеотта в связи с состоянием войны с господином Теодоро⁵¹, а 11 числа того же месяца на новое вооружение бригаантины отпущен из казны 881 аспр⁵². 8 мая были оплачены расходы (9313 аспров) на «<...> вооружение галеотты, патроном которой являлся гражданин Генуи Марко Спинола [де Лукуло] [и предназначавшейся] для безопасности [побережья между] Чембало и Солдайей ввиду [состояния] войны с господином Феодоро <...>»⁵³. Несколько позднее (точная дата в источнике не указана) по постановлению (*jussu*) консула и военной коллегии Каффы (*Officium Guerre Caffensis*) к Каламите (*locum Calamithe*) для патрулирования вдоль побережья направляется корабль (*navi*) Негрони ди Негро (*Negrone de Nigro*)⁵⁴. Вероятно, в это же время в Каламите пытаются закрепиться феодориты, начавшие возведение крепости (?).

Выделяются и дополнительные средства на усиление гарнизона Чембало. В октябре массариями Каффы отпущено 16460 аспров для обеспечения необходимым «<...> продовольствием и охраной нашего города Чембало и всей Готии, ввиду войны с Алексеем, господином Феодоро<...>»⁵⁵. 9 октября выплачено еще 27850 аспров на ведение войны с владельцем Мангуа⁵⁶. В тот же день Фредерико Спинола, вступивший в исполнение обязанностей консула Каффы (до этого он был массарием), отправил в Геную донесение, в котором Алексей назван «*gibelis Communis Caffe*»⁵⁷ (т.е. «поднявший (организовавший) бунт (мятеж) против Коммуны Кафы»⁵⁸).

Однако, как оказалось, предпринятых официальными Каффы мер оказалось недостаточно и феодоритам удаётся на некоторое время захватить Чембало. Точная дата этого события нам неизвестна. Вероятнее всего это произошло в конце осени 1423 г. (т.е. во время, когда наиболее затруднительна из-за сильных штормов навигация у берегов Крыма). По крайней мере, генуэзские источники фиксируют наибольшее напряжение отношений осенью 1423 г., в момент ведения боевых действий между враждующими сторонами.

Благодаря энергичным действиям Пьетро Джовани Майнерио генуэзцам удалось вскоре

вернуть Чембало под свою власть. Успешная дипломатическая деятельность «благородного и мужественного человека», столь отличившегося «в войне против Алексея и Феодоро, упорно защищавшего и освобождавшего Чембало», была высоко оценена в метрополии. За заслуги перед коммуной города ему специальным распоряжением (датировано 1 марта 1424 г.) губернатора Генуи Франческо Кармагнолья (*Franciscus dictus Carmagnola*), Советом Старейшин и Оффицией Романи пожалована почётная должность депутата Каффы с ежемесячной выплатой жалованья в размере одного соммо⁵⁹.

Как показывают приведённые выше свидетельства письменных источников, первый вооруженный конфликт между Каффой и Феодоро приходится на осень 1422 - осень 1423 г. Начальная фаза военных действий зафиксирована появлением в генуэзских документах, указывающих на причины понесенных финансовых расходов, фразы «*ossaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro*», которая впервые встречается в записи массарии 9 октября 1422 г.⁶⁰, а финальная - относится к осени 1423 г.⁶¹

Таким образом, открытое военное противостояние сторон хронологически ограничено пределами одного года, так как в более поздних документах о войне с Алексеем говорится, как о недавнем прошлом⁶². В. Василиу считала, что первая война между Каффой и Феодоро закончилась в 1426 г.⁶³, но этому противоречат предоставленные выше свидетельства генуэзских документов.

Обращает на себя внимание то, что основные даты событий (1422-1424 гг.) совпадают с началом или завершением правления того или иного консула Каффы. Так, после Манфредо Саули (его консулат приходился на 8. 07. 1420 – 7. 07. 1421 гг.) должность консула исполнял Антонио Маруффо (с 7. 07. по 9. 10. 1422 г.). Это время нарастания напряженности в отношениях между противоборствующими сторонами, завершившееся началом открытых военных действий за обладание Готией и Чембало. 9 октября 1422 г. к исполнению обязанностей консула приступил Джероламо Джустиниани Монелья, которого в октябре 1423 г. сменил Фредерико Спинола ди Луколи. То есть на правление Джероламо Джустиниани приходится период открытых военных действий

между Каффой и Феодоро, а их финал и урегулирование конфликта - на консулат Фредерико Спинола (октябрь 1423 - октябрь 1424 г.) и его преемника Пьетро Фьески.

В свое время М. де Канале, а вслед за ним В.Н. Юргевич считали, что консулами Чембало в 1423-1424 гг. являлись Пеллегро ди Молассана и Бонамико ди Монлеоне⁶⁴. Однако, согласно документу от 29 марта 1424 г., обязанности консула и кастеллана Чембало исполнял Даньяно Грилло⁶⁵, время консулата которого и Канале, и Юргевич относили к 1420 г., что, по-видимому, не соответствует действительности (если не предполагать его повторное назначение на эту должность). В таком случае эпизод захвата феодоритами Чембало приходится на консулат Даньяно Грилло (9 октября 1423 - 9 октября 1424 г. ?).

В целом же следует отметить, что генуэзские источники, несмотря на кажущуюся многочисленность, весьма скупо освещают (без какой-либо детализации) события конфликта 1422-1423 гг. Они только в общем дают его географию (от Каламиты до Солдайи), хотя средства выделяются только на усиление обороны Лусты, Чембало и «всей Готии», за которые в основном и велась борьба. Остаются неясными повод, причины и ход военных действий.

Как уже отмечалось выше, неблагоприятные погодные условия на протяжении нескольких лет (1420-23 гг.) в Восточной Европе вызвали голод, массовые заболевания и гибель населения от эпидемии. Вероятно, в этом контексте следует рассматривать приём посла Алексея в Каффе 25 февраля 1420 г. и пребывание в начале следующего года (7 января 1421 г.) на Мангупе представителя коммуны Каффы - Джорджо Вакка. По-видимому, к этому времени относится изменение прежней прогенуэзской ориентации Алексея (1411-1420 гг.) на сближение своих внешнеполитических интересов с Венецией и Трапезундом⁶⁶. В дальнейшем, на протяжении последующих 25 лет (1421-1446 гг.), владетель Мангупа занимает крайне жёсткую антигенуэзскую позицию, приводившую к вооружённым столкновениям между Феодоро и Каффой.

Весной 1423 г. (конец марта – начало апреля) правитель Солхата, вероятно, предпринимает попытку остановить дальнейшее развитие конфликта и направляет сначала в Каффу, а затем в Феодоро своего представителя Бексаду,

миссия которого не привела к примирению сторон. Не позднее второй половины декабря 1423 г. военные действия, по-видимому, были прекращены, потому что уже в одном из документов от 1 февраля 1424 г.⁶⁷ (об этом более подробно будет сказано ниже) говорится о достигнутом примирении с Алексеем⁶⁸.

В ходе подготовки к войне за обладание Готией Алексей возводит укрепления в селениях Фуна, Милляри (Дерерменкой), Гелин-Кая, Учансу-Исар и Каламите. Это вынуждает официалов Каффы усилить оборону Лусты, побережья Готии и Чембало.

Таким образом, война 1422-1423 гг. не была для правителя Мангупа столь бесплодной, как это считал А.А. Васильев⁶⁹. Результатом её было: не достигнув закрепления своей власти над Чембало, Алексей воздвиг порт и крепость в Каламите. Феодориты добились выхода к морю в одном пункте, хотя ими, по всей видимости, намечался захват Лусты и Чембало – именно на усиление обороны этих двух крепостей генуэзцы выделяли основные средства. В качестве плацдарма для захвата Лусты могла быть использована Фуна, а для завоевания Чембало – Каламита.

С этого времени Каламита становится единственным портом, через который Алексей поддерживал связи и торговал с Трапезундом, Синопом, Венецией, Молдавией и другими причерноморскими и средиземноморскими государствами. Строительство порта и крепости в устье р. Чёрной генуэзцы рассматривали как грубое нарушение их монопольного права на владение побережьем Готии и торговли на Чёрном море, что в дальнейшем неоднократно становилось поводом не только для осложнения дипломатических отношений, но и вооружённых конфликтов.

Возвращаясь к событиям первой военной кампании 1422-1423 гг., следует признать, что если имеющиеся в нашем распоряжении источники дают возможность, хотя бы в общих чертах, воссоздать политическую обстановку в Газарии, предшествующую началу вооружённого конфликта между Каффой и Феодоро, и в некоторой степени отвечают на вопрос о мотивах его возникновения, то причины внезапного прекращения войны в ноябре - первой половине декабря 1423 г. (?) остаются не до конца выясненными.

В действительности трудно объяснить, почему Алексей, явный инициатор эскалации

вооружённого столкновения с генуэзцами, добившись очевидного успеха (феодоритами на непродолжительное время был занят Чембало, им на территории прибрежной Готии создаётся сеть опорных пунктов, попытка латинян заставить греков покинуть (?) Каламиту закончилась провалом), в конце концов (к началу – середине декабря 1423 г. ?) вынужден был вернуться на исходные позиции⁷⁰. Причём владетель Феодоро обращает свою неуёмную энергию не на войну, а на строительство в столице дворца, оборонительных стен, цитадели и фамильной церкви (1425-1427 гг.). Для осуществления столь значительной строительной программы требовались немалые средства, которыми Алексей явно обладал, т.е. война 1422-23 гг. не истощила его финансовых возможностей. В это же время генуэзские источники отмечают хроническую задолженность коммуны Каффы перед Банком Сан-Джорджо и другими кредиторами. В последующие годы (во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XV в.) и генуэзцы ведут строительство в Солдае и Чембало, но это представляется только как крайне необходимая мера безопасности (в особенности для Чембало).

Занимаясь детальным изучением фортификационных сооружений Фуны, В.П. Кирилко обратил внимание на то, что оборонительные стены первого периода существования крепости несут на себе следы деформаций, которые могли быть вызваны не военными действиями, а исключительно сейсмическими подвижками⁷¹. Стратиграфические и архитектурные наблюдения указывают на то, что наиболее пострадали сооружения, располагавшиеся на северо-восточном участке обороны замка. На значительном отрезке восточной куртины произошло продольное расслоение кладки с потерей до основания внешнего панциря конструкции (стена на протяжении 13,5 м опрокинулась наружу). О её моментальном падении на всю высоту свидетельствует слой разрушенного известкового раствора, образовавшийся после выборки строительного камня из завала. Протяжённость этого слоя (его толщина по всей площади залегания достигала 0,25-0,30 м) от основания стены составляет 7,5-8 м, что, по-видимому, соответствует её полной высоте⁷².

Деструктивные процессы в кладке,

формирующей северную линию обороны, достигли такого уровня, что здесь первоначально с наружной стороны были возведены поддерживавшие её контрфорсы, но, вероятно, это не дало ожидаемого результата стабилизации всей конструкции, и она была разобрана почти до основания. По всей видимости, частичному разрушению подверглась квадратная башня, что потребовало впоследствии произвести утолщение её стен почти вдвое (первоначально она достигала 0,90 м).

На сохранившемся участке восточной куртины произошло отклонение от вертикального положения в наружную сторону (отрицательный уклон составил более 30°). Данная деформация особенно чётко видна в местах примыкания к стене более поздних сооружений различного назначения: аркосолия храма, кордегардии и трапезной башни, замкнувшей северную и восточную линию обороны. Поверхности откосов потеряны получили винтовое искривление⁷³.

Весьма существенным хронологическим показателем, отмеченным исследователем в ходе архитектурно-археологического обследования памятника, является то, что разрушения и повреждения, ввиду отсутствия разрывов лицевых поверхностей кладок в местах наибольших деформаций, наступил в тот момент, когда кладочный раствор оборонительных стен ещё не успел набрать достаточной прочности и утратить присущую ему пластичность⁷⁴. Характерные диагностические признаки⁷⁵ позволили прийти к заключению, что основной причиной выявленных в ходе раскопок деформаций и разрушений, обусловленных утратой крепостными сооружениями замка статического равновесия, стало сейсмическое событие, которое по интенсивности воздействия сопоставимо с ялтинским землетрясением 1927 г.⁷⁶, когда (12 сентября) обрушился свод и две стены фунского надвратного храма⁷⁷, возведенного в 1459 г.⁷⁸

В свое время А.А. Никонов, занимаясь изучением палеосейсмических явлений Причерноморского региона (при этом им были использованы отрывочные сведения записок путешественников XIX в., материалы местного фольклора – легенда об Аю-Даге⁷⁹, а также данные архитектурно-археологических исследований), пришёл к выводу, что в XV в. в Крыму произошло катастрофическое по своим

последствиям землетрясение силой около 9 баллов, отнесённое им к Ялтинской очаговой зоне⁸⁰. Если первоначально А.А. Никоновым была предложена дата - 1471 г.⁸¹, то позднее без какой-либо дополнительной аргументации он относил это событие к 1427 г. (или 1427 ± 10 лет)⁸². Следует отметить, что исследователем при изучении фортификационных сооружений Каламиты были сделаны интересные наблюдения, выявившие деформации, произошедшие в результате землетрясения интенсивностью не менее 9 баллов⁸³. Однако, достаточно точно определив причину деформаций оборонительной системы Каламиты 20-х гг. XV в., исследователь, желая найти следы севастопольского землетрясения середины XVII в., связывал выявленные деструктивные изменения стен с этим событием, основываясь на авторитетном заключении А.Л. Бертье-Делагарда о существенной реконструкции фортификационных сооружений Инкермана (Каламиты) при османах в конце XVI или в самом начале XVII в.⁸⁴. Предложенная А.А. Никоновым датировка вызывает большие сомнения по той причине, что генуэзцы, захватив Каламиту 10 июня 1434 г., сожгли крепость до тла (следы этого пожара ещё и сейчас видны на внутренней стороне башни № 2), а вскоре вынуждены были приступить к её восстановлению⁸⁵. Причём предпринятой лигурийцами реконструкции северо-западной линии обороны явно предшествовали строительные мероприятия, обусловленные необходимостью устранения негативных последствий землетрясения⁸⁶. Именно до 10 июня 1434 г. с внешней стороны к поврежденной куртине для придания ей большей устойчивости была пристроена башня № 2, а с внутренней - подпирающая её стена.

Ещё одним объектом, на котором проводились значительные по площади раскопки, является средневековая Луста. Явных следов каких-либо деформаций, вызванных сейсмическим воздействием, здесь вроде бы не выявлено. Правда до настоящего времени остался невыясненным вопрос, что явилось причиной полной перестройки генуэзцами во второй четверти - середине XV в. северо-западного участка оборонительной стены цитадели (его протяженность более 30 м), возведённой ещё при Юстиниане I (527-565). Новая куртина была установлена на довольно крутом склоне, что потребовало при

строительстве произвести специальные работы по его нивелировке, уничтожив все более ранние культурные напластования. В связи с этим можно высказать предположение о значительных разрушениях ранневизантийской стены, произошедших также в момент землетрясения конца 1423 г. (?).

Возможные масштабы разрушений от землетрясения, состоявшегося предположительно после 9 октября, но не позже середины декабря 1423 г.⁸⁷, в некоторой степени реконструируют статистические данные, собранные после 26 июня и 12 сентября 1927 г.⁸⁸

В целом, в 1927 г. на всём протяжении побережья (от Фороса на западе до Туака на востоке) разрушения и повреждения зданий были значительны. В это же время в Феодосии и Судаке общая ситуация оказалась намного благополучней, а в Балаклаве повреждения строений в основном состояли из трещин в кладках стен вторых этажей и в перемычках. «На Генуэзской крепости не упал ни один камень и даже неустойчивые по виду руины прекрасно выдержали испытание. С береговых скал у входа в бухту упала небольшая глыба»⁸⁹.

Отдавая отчёт в большой доле условности подобных интерполяций, всё-таки позволю себе предположить, что последствия землетрясения 1423 г. могли быть более значительными по своим негативным последствиям, чем сейсмические катаклизмы 1927 г. При этом необходимо учитывать и специфику религиозной ментальности средневекового населения горного Крыма (Готии), пережившего, по-видимому, серьезное психическое потрясение от впервые увиденного им и необычайного по своим масштабам природного явления⁹⁰, когда (согласно данным легенды об Аю-Даге), поднявшимися волнами было смыто несколько деревень, образовались глубокие овраги и ущелья, «рушились с грохотом скалы и целые горы, рассыпая далеко вокруг груды осколков»⁹¹.

В действительности столь знаменательное событие должно было найти отражение не только в преданиях и легендах, но, прежде всего, в генуэзских письменных источниках (донесениях консула и массарии), которые до настоящего времени не выявлены. По-видимому, это дело будущего. В случае открытия документов, содержащих сведения о землетрясении (*perturbationes terrenaе*) времени первого вооруженного конфликта между Кафрой

и Феодоро (1422-1423 гг.), удастся определить точное время катастрофы и размеры её реальных последствий⁹². Как бы то ни было, но данная гипотеза остаётся пока единственной, способной объяснить внезапное прекращение

войны и последовавшее затем беспрецедентное (для первой половины XV столетия) по своим масштабам строительство, которое велось на территории Готии, явно незатронутой конфликтом 20-х гг. XV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Jorga N. Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades au XV siècle // ROL VII. - Paris, 1899, p. 21-39; Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea // Monographs of the Mediaeval Academy of America. N 11. - Cambridge, Massachusetts, p. 200-205; Vasiliu V. Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée au XVe siècle a l'occasion d'un nouveau document // Mélanges de l'Ecole Roumaine en France. Première partie. - Paris, 1929, p. 229-336; Banescu N. Contribution a l'histoire de la Seigneurie de Theodoro-Mangoupe en Crimée // BZ 35. - 1935, s. 20-37.
- Карпов С.П. Причерноморье в XV веке по материалам собрания Diversorum, Filze Секретного Архива Генуи // Причерноморье в средние века II. - М., 1995, с. 17, прим. 34.
- Чиперис А.М. К истории Чембальского восстания // УЗ Туркменского гос. университета XIX. - 1961, с. 291-307; Филиппенко В.Ф. Новое в истории и археологии крепости Каламиты-Инкермана // ХСб. VII. - Севастополь, 1996, с. 146-149.
- Иванов А.В. Этапы развития и некоторые черты топографии Балаклавы // ХСб. VIII. - Севастополь, 1997, с. 46-48.
- Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 201.
- Pistarino G. Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero // Byzantino-Bulgarica. VII. Bulgaria Pontica Medii Aevi. Premier symposium international. Nessèbre, 23 - 26 mai 1979. - Sofia, 1981, p. 62.
- Надо полагать, что здесь под «прокуратором» (лат. – procurator) подразумевается «представитель», «поверенный», «уполномоченный».
- Pistarino, Le fonti genovesi per la storia del Mar Nero..., p. 62.
- Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 21; Vasiliu, Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée..., p. 303-306; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 201.
- Пономарёв А.Л. Территория и население генуэзской Каффы по данным бухгалтерской книги-массарии казначейства за 138-1382 гг. // Причерноморье в средние века IV. - М., 2000, с. 346-347.
- Там же, с. 347, прим. 46.
- Следует также отметить некоторое сходство в звучании имени Кирилеси с рядом топонимов окрестностей Мангупа: долина, простирающаяся к северу от средневекового города – Каралезская; сёла, расположенные здесь, Юхары-Каралёз и Ашага-Каралёз (Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793-1794 годах // Научное наследство 27. - М., 1999, с. 64-66). Происхождение топонима Каралёз (Каралес) П.С. Паллас связывал с именем Кара-Иляз (т. е. Черный Илья) (Pallas P.S. Bemerkungen auf einer Reise in die sudlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Bd. 2. - Leipzig, 1801, s. 104-109). При этом он отмечал наличие имени Кара' I uooofl у поздневизантийских писателей (Cara Jusuf, id est niger Jsephus) (Кеппен П.И. О древностях Южного берега и гор Таврических // Крымский сборник. - СПб., 1837, с. 249; Pallas, Bemerkungen auf einer Reise..., s. 109). Однако столь «прямолинейная» интерпретация в формообразовании Chirialesi = Кирилеси = Кара = Ильяс не выглядит убедительной, потому что нотариий-латинянин (с ономастикой народов Причерноморья лигурийцы были хорошо знакомы с 70-х гг. XIII в.) написал бы Chara (Chera, Kera) – Ellias (как, например, Cara, Caram, Keracia, Keribegi, Kerih, Kera Erigni, Caraiha и т.д.) (Пономарёв, Территория и население генуэзской..., с. 347, 374).
- Мыц В.Л. О пребывании «черкесов» в Крыму // Проблемы истории Крыма: Тезисы докладов конференции. - Симферополь, 1991, с. 81-82; Кирилко В.П. Аспры с большим «Т» на лицевой стороне: опыт интерпретации // Stratum-plus 6. - Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999, с. 139-140; Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. - Екатеринбург, 2001, с. 74.
- Пономарёв, Территория и население генуэзской Каффы..., с. 347.
- Бушаков В.А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. - К., 2003, с. 163; Бубенок О.Б. К вопросу о времени и причинах переселений черкесов в Крым // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: Боспорские чтения. V. - Керчь, 2004, с. 30-31.
- Трейстер М.Ю. Материалы к корпусу постаментов бронзовых статуй // ХСб. X. - Севастополь, 1999, с. 122-123, кат. 5(26).
- Assini A. Una «filza» ritrovata. La riscoperta di importanti documenti genovesi su Costantinopoli e il Mar Nero // Romania Orientale 12. - 1999, p. 15.
- «pro Georgio Torsello, transmisso in Comania <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 25; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 202, n. 3). Х.-Ф. Байер, на мой взгляд, неверно интерпретирует топонимический анахронизм, отраженный в латинском источнике и представленный в форме «Комания» (т.е. Дешт-и-Кипчак = «Половецкая степь»), произвольно заменяя его на Готию: «... Название «Комания» любопытно в то время. Мы помним, что аль-Идриси в XII в. локализовал район куман между Ялтой и Херсоном (см. гл. 11), так что, возможно, топонимом «Comania» обозначено нечто иное, как Готия» (Байер, История крымских готов..., с. 206).
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада

- империй X-XVI вв.). - М., 1996, с. 525.
20. «<...> pro Georgio Torsello, misso ad dominum Teodori <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 22).
 21. Ibid., p. 22.
 22. Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 202.
 23. «<...> pro quondam nuncio Alichssi <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 22; Байер, История крымских готов..., с. 206; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 201, n. 6).
 24. «<...> pro Cheaassi, nuncio domino de lo Tedoro <...> asp. L., <...> pro una gauba data nuncio misso domino de lo Tedoro in Caffam, asp. CCLX» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 22; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 202, n. 2). По мнению Х.-Ф. Байера, «Необычное имя намекает на то, что он, пожалуй, был аланом (асс)» (Байер, История крымских готов..., с. 206).
 25. Карпов, Причерноморье в XV веке..., с. 9-11.
 26. «<...> pro convivio facto ambassiatori domino de lo Tedoro <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 25; Байер, История крымских готов..., с. 206; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 202, n. 42).
 27. Карпов, Причерноморье в XV веке..., с. 14.
 28. Он же. Регесты документов Фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века III. - СПб., 1998, с. 35.
 29. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. - М., 1988, с. 289-290.
 30. «<...> pro Georgio Vacha, misso in Gotia cum oguxiis <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 26). Л. Баллетто сравнительно недавно опубликовал документ (датирован 18 февраля 1426 г.), содержащий прошение горожанина Каффы Джорджо Вакки (Georgio Vaca, burgense Caffè) о назначении на должность оргузиев двух жителей города («<...> pro duobus horgusiis civitatis <...>» (Balletto L. Liber Officii Provisionis Romanie (Genova, 1424 – 1428) // Universita degli studi di Genova sede di acqui terme. Collana di Fonti e Studi diretta da Geo Pistarino 6. - Genova, 2000, p. 129-130. Doc. 113)).
 31. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XV вв. - М., 1981, с. 106-107; Он же. Причерноморье в XV веке..., с. 12; Karpov S.P. L'impero di Trebisonda, Venezia, Genova e Roma, 1204-1461. Rapporti politici, diplomatici e commerciali. - Roma, 1986, p. 158-159.32.
 33. Крамаровский М.Г. Джучиды и Крым: XIII-XV вв. // МАИЭТ X. – Симферополь, 2003, с. 522.
 34. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. - СПб., 1884, с. 532-533.
 35. Он же. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений. Т. II. - М.-Л., 1941, с. 196.
 36. Северова М.Б. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа (по материалам Старо-Крымской археологической экспедиции) // СГЭ LIV. - Ленинград, 1990, с. 44-45.
 37. Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 202.
 38. Ibid., p. 202.
 39. Ibid., p. 206.
 40. «<...> expense facte et fiende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et totius Gottie, occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 28; Banescu N. Peut-on identifier ei Zamblacus des documents ragussins? // Mélanges Charles Diehl. I. - Paris, 1930, p. 35; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 202).
 41. «<...>expense facte et fiende in [cum] domino de lo Tedoro, occaxione loci Lusce, gui portavit certos homines promissos in Lusce loco <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 28).
 42. «<...>pro quodam Grecho, qui portavit litteras ab Alexio. asp. XII» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 28; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 203; Байер, История крымских готов..., с. 206).
 43. Мыц В.Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. - Киев, 1988, с. 97-113; Он же. Укрепления Таврики X-XV вв. - Киев, 1991, с. 150-152; Кирилко В.П., Мыц В.Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. - Киев 1991, с. 147-170.
 44. Подробнее о так называемых «системах» укреплений см.: Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южного берега // Феодальная Таврика. - Киев, 1974, с. 44-46; Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. – Новосибирск, с. 61-204; Мыц, Укрепления Таврики..., с. 19-20.
 45. Мыц В.Л. О дате гибели византийского Херсона: 1278 г. // Византия и Крым. – Тезисы Международной конференции. - Симферополь, 1997, с. 66.
 46. Мыц В.Л. Битва на Синей Воде 1363 г. в историографии средневекового Крыма // Археологічний літопис Лівобережної України (до 600-річчя битви на Ворсклі 1399 року). № 1. - Полтава, 2002, с. 107-112.
 47. «die XXVII Marcii, pro una alafa data Vexada Saraceno, ambassiatori dominorum Surchatensium, qui ivit ad Alexium, dominum Teodori, pro duabus diebus. asp. C» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 30).
 48. Байер, История крымских готов..., с. 207, прим. 601.
 49. Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 204.
 50. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 27, 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 203, n. 7; Байер, История крымских готов..., с. 207.
 51. «<...> Galeota que nuper reparatur <...>, ocaxione guerre domini de lo Tedoro <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 29).
 52. «<...> Brigantinum nuper armatum, ocaxione domini de lo Tedoro <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 27).

53. «Galeota patronizata per Marchum Spinulam, cives Jnuensem, armata <...> occaxione guerre domini de lo Tedoro et securitate Cimbali et Soldaie <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 203, n. 7; Байер, История крымских готов..., с. 207).
54. Постановлением от 23 января 1426 г. правительством Генуи консулу, массариям и Оффиции Продовольствия Каффы предписывалось принять меры по компенсации затрат, понесённых нобилем Негрони ди Негро «во время войны, которая велась между коммунной Каффы и господином Феодоро» («<...> tempore vigentis guerre inter comune Caffè et dominum de lo Theodoro <...>» (Jorga, Acte si fragmente cu privire la istoria Romanilor..., p. 314; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 203; Banescu N. Archives d'Etat de Genes. Officium Provisionis Romanie // Revue des études sud-est-européennes V. – 1967, p. 260, n. LXXXVII; Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie..., p. 113-114. Doc. 96; Байер, История крымских готов..., p. 207)).
55. «<...> expense facte et fiende in provisione et custodia loci nostri Cimbali et totius Gotie, occaxione guerre Alexii, domini de lo Tedoro <...>» (Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 31). Следует обратить внимание на то, что примерно такая же сумма (16800 аспров) расходовалась ежегодно на выплату жалования 7 социям (socios septem), охранявшим замок св. Николая в Чембало (Устав для генуэзских владений на Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер. и коммент. В.Н. Юргевича // ЗООИД V. - 1863, с. 786).
56. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 203.
57. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 31.
58. См.: Байер, История крымских готов..., с. 207. Васильев переведил данный фрагмент: «соперник коммуны Кафы» (Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 203), что, на мой взгляд, значительно «смягчает» характеристику действий владетеля Феодоро и происходивших тогда реальных событий.
59. «Cum attentis virtute et meritis viri probi Petri Johannis Maynerii condam Andree, precarissimi civis nostri, necnon laboribus magnis per eum passis in guerra contra Alexium de Theodoro pro defensione et liberatione loci Cimbali, eum elegerimus et deputaverimus in unum ex sociis summum percipientibus in Caffa pro eo tempore quo residenciam faciet illis in partibus, et pluri et minori tempore ad nostrum beneplacitum et mandatum, cum salario et stipendio unius sommi sibi mense singulo integre persolvendi <...>» (Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie..., p. 18-19, doc. 12; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 207).
60. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 28; Banescu, Peut-on identifier ei Zamblacus..., p. 35, n. 1; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 202.
61. Jorga, Notes et extraits pour servir a l'histoire des croisades..., p. 29; Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 203.
62. Jorga, Acte si fragmente..., p. 361.
63. Vasiliu, Sur la seigneurie de «Teodoro» en Crimée..., p. 305–306.
64. Юргевич В.Н. Генуэзские надписи в Крыму // ЗООИД V. - 1863, прим. 131; Canale M.C. Commentari storici della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori dalle origini fino ai di nostri I. - Genova, 1855, p. 297.
65. Данный документ представляет собой распоряжение губернатора Генуи (Франческо Кармагнолия), Совета Старейшин и Officium Provisionis Romanie, из которого мы узнаем об обращении Даныяно Грилло (Dagnanus Grilus) с жалобой (conquestus) по поводу того, что он одновременно вынужден был исполнять должности консула и кастеллана Чембало (cum aliquo fuerit cosul et castellanus Cimbali), а это было весьма обременительно для него. И к тому же массарии Каффы не оплачивали ему за оффицию кастеллана 12 соммо (sommos argenti duodecim). Внимательно рассмотрев жалобу Даныяно, правительство метрополии приказывает консулу и массариям Каффы компенсировать ранее не выплаченную ему зарплату кастеллана и на будущее продолжать платить за занимаемую им должность исправно даже «в мирное время» (in pace) (Banescu N. Archives d'Etat de Genes. Officium Provisionis Romanie // Revue des études sud-est-européennes IV. - P., 1966, p. 586, n. XXIV; Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie..., p. 30-31, doc. 24).
66. Карпов, Причерноморье в XV веке..., с. 16-17; Banescu, Contribution a l'histoire..., s. 20-37.
67. Balletto, Liber Officii Provisionis Romanie..., p. 3–8.
68. Если учесть, что дорога от Каффы до Генуи занимала не менее 2–2,5 месяцев, то сведения, отправленные из Газарии в метрополию и отражённые в постановлении от 1 февраля 1424 г., относились ко времени, не позднее середины декабря 1423 г.
69. Vasiliev, The Goths in the Crimea..., p. 205.
70. Кирилко В.П. О дате строительства Фунского укрепления // ХСб. XII. - Севастополь, 2003, с. 263.
71. Там же, с. 203; 256-260.
72. Там же, с. 256-258. Сходная картина отмечена «После обрушения северо-западного фланга куртины А и башни А. 4» на участке укрепления А. XIV при раскопках Мангупа, где «за короткое время положение было восстановлено возведением нового отрезка оборонительной линии». При этом А.Г. Герцен указывает, что «Основанием для неё послужил слой извести, песка и мелкого щебня, образовавшегося при разрушении и разборке куртины А» (Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ I. - Симферополь, 1990, с. 153). Исследователь, к сожалению, в подтверждение своих важных наблюдений приводит весьма условно зафиксированную стратиграфию раскопа, полагая, что и разрушение, и строительство новой куртины произошло во время осады турками Феодоро в 1475 г. (Герцен, Крепостной ансамбль Мангупа..., с. 153, рис. 39).
73. Кирилко, О дате строительства Фунского укрепления..., с. 258, рис. 2.
74. Там же, с. 258.
75. Башкиров А.С. Антисейсизм древней архитектуры. II - Греция // УЗМГПИ XIII (I). - М., 1949, с. 9-35.
76. Двойченко П.А. Черноморские землетрясения в Крыму // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. - Симферополь 1928, с. 77-98; Полумб А. Очерк крымских землетрясений. - Симферополь, 1933, с. 3-70; Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона

- (Инструментальный период наблюдений 1927-1986 гг.) - Киев, 1989, с. 42-55; Князева В.С. Архивные материалы по макросейсмическому обследованию крымского землетрясения 11 сентября 1927 г. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. - Симферополь, 1999, с. 88-100.
77. Двойченко, Черноморские землетрясения в Крыму..., с. 123.
78. Кирилко В.П. Надвратная церковь средневекового укрепления Фуна. Датировка и атрибуция // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. - Ростов-на-Дону, 1989, с. 62-73.
79. Легенда об Аю-Даге // Сказки и легенды крымских татар. - Симферополь, 1991, с. 96-102.
80. Никонов А.А. Землетрясения в сказаниях и легендах // Природа. - 1983, № 11, с. 72-75; Никонов А.А. Цунами на берегах Черного и Азовского морей // Физика Земли. № 1. - 1997, с. 90, табл. п. 6; Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: сравнение существующих карт и параметров реальных событий // IV Наукотехнична конференція «Будівництво в сейсмічних районах України»: Доповіді. Ялта, 18-21 травня 1999 р. - Ялта, 1999, с. 183.
81. Никонов, Землетрясения в сказаниях и легендах..., с. 74.
82. Никонов, Цунами на берегах Черного и Азовского морей..., табл. п. 6; Он же, Сейсмический потенциал..., с. 183.
83. Например, А.А. Никонов отмечает, что у ворот башни «первоначальная стена по горизонтальной плоскости между камнями кладки сдвинута косо к югу, юго-востоку так, что с лицевой стороны образовалась сужающаяся к востоку полочка шириной 12, 10 и 5 см, а внутренний фас подобным же образом навис над основанием. По внутреннему фасу стена наклонилась на 1-2 градуса в ту же сторону, что и сдвинулась. Более южный участок стены (где сдвигание было больше и устойчивость потеряна) отсутствует. В месте видимого сдвигания с внутренней стороны, т.е. куда верх стены подвинут, поставлена дополнительная укрепительная стена с сужением сверху. Здесь камни скреплены раствором другого состава. Прилежащая башня снаружи обложена вторым панцирем также явно при ремонте, вероятно, для укрепления после предшествующих повреждений. Подобные деформации не возникают в столь капитальных сооружениях на таком прочном основании при землетрясениях интенсивностью менее 8 баллов» (Никонов А.А. Сильные землетрясения и сейсмический потенциал Западно-Крымской (Севастопольской) очаговой области // Физика Земли 11. - 1994, с. 26).
84. Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // ЗООИД XIV. – 1886, с. 186-189; Никонов А.А. Сильные землетрясения..., с. 26-27.
85. Мыц, Укрепления Таврики..., с. 56-59, 136-137.
86. Кирилко, О дате строительства Фунского укрепления..., с. 266.
87. Уточнение даты этого сейсмического явления позволяет сделать содержащееся в легенде об Аю-Даге указание на то, что землетрясение случилось в начале зимы: ноябрь ± 1 месяц (Кирилко, Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV–XV вв.)..., с. 7).
88. Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, Землетрясения Крымско-Черноморского региона..., с. 42-55; Князева В.С. Архивные материалы по макросейсмическому обследованию крымского землетрясения 11 сентября 1927 г. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. - Симферополь, 1999, с. 89-99. Приведём только те из них, которые непосредственно касаются рассматриваемых памятников или прилегающих к ним территорий. Алушта: На момент землетрясения в городе находилось 650 домов, пострадало 532 здания. Совершенно разрушено 119 домов. Сильно повреждённых, требующих для восстановления капитального ремонта 179. Незначительно повреждено 234 (Князева, Архивные материалы..., с. 93). «Треснула и грозит обвалом массивная генуэзская башня» (Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, Землетрясения Крымско-Черноморского региона..., с. 52). Демерджи (с. Лучистое): Из 365 домов пострадало 155, из них полностью разрушено 9, сильно повреждены 41, не сильно повреждено 105. Произошёл обвал на г. Демерджи. Рухнул свод и две стены средневековой церкви (Двойченко, Черноморские землетрясения в Крыму..., с. 123). Дегерменкой (н.с. Запрудное): Из 385 домов 198 разрушено совсем. Партенит: Домов до землетрясения 64, разрушено 64. Кизил-Таш (н.с. Краснокаменка): Всего домов 275: пострадало 159, из них разрушено 34, сильно повреждено 30, не сильно повреждено 95. Гурзуф: Из 343 домов пострадало 253, разрушено 50, сильно повреждено 99, не сильно повреждено 104. Ай-Василь (н.с. Васильевка, г. Ялта): Всего 370 домов: пострадало 145, совершенно разрушено 25, сильно повреждено 32.
89. Пустовитенко, Кульчицкий, Горячун, Землетрясения Крымско-Черноморского региона..., с. 52.
90. Кирилко, О дате строительства Фунского укрепления..., с. 264.
91. Сказки и легенды Крыма..., с. 98-99. Подобные природные явления, надолго оставляя память в народном сознании, объяснялись как кара Божия, а дни прекращения праздновались оставшимися в живых, воспринимавших спасение как ниспосланную свыше благодать. Например, с 740 г. было установлено празднование «воспоминания великого труса» (землетрясения), произошедшего в Константинополе 26 октября при императоре-иконоборце Льве III Исавре (717-741). В этот день в столице ромеев оказались разрушенными многие высокие здания, в том числе немало и церквей. «...От сотрясения земли море всколыхалось и затопило прибрежные селения. Панический ужас объял всех жителей города, и многие лишились жизни от страха. Тогда все обратились с молитвою к Господу и Пресвятой Богородице, и землетрясение прекратилось» (Бухарев Иоанн. Жития всех святых, празднуемых православною греко-российскою церквью. - СПб., 1996, с. 606).
92. Единственным из известных мне до настоящего времени источником, в котором ретроспективно отражены события 20-х гг. XV в. (?) (голод и последовавшее за ним землетрясение) является «Летопись Кипчакской Степи» 'Абдуллаха ибн Резвана, написанная автором в Кефе в 1610/11 – 1635 гг. Так, во II разделе своего сочинения ибн Резван, описывая Дешт-и-Кипчак, говорит о том, что и бедствия не миновали этот богатый край. Автор летописи сообщает (л. 4 гесто) о голоде и землетрясении (зелзеле), постигнувших некогда Крым (Зайончковский А. «Летопись Кипчакской Степи» (и Дешти-и-Кипчак) как источник по истории Крыма // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы Т. II. - М., 1969, с. 16).